

—А тем временем подходила к концу обменная эпопея. Отец получил несколько десятков разнообразнейших предложений. Нам писали, к нам приходили, уговаривали, просили... Но только два-три варианта отец готов был рассмотреть, он знал цену своей неважнецкой в общем-то квартиры в Севастополе: что за место в Крыму в Калининграде можно требовать квартиру в центре со всеми удобствами большей площади да ещё с доплатой.

—В конце концов отец затеял переговоры с хозяевами двух квартир. Обе недалеко от нас. Одна - двухкомнатная, на улице 9-го апреля, напротив областной больницы, 7-й этаж. Улучшенная планировка, комнаты изолированные, почти одинаковые по площади, просторный коридор, шикарные обои. Хозяйка работает в торговле, готова ради обмена на всё, муж ходит в море. Обещает в придачу финскую сантехнику (уже лежит у неё в подвале), а главное - кирпичный гараж прямо напротив дома, во дворе райотдела милиции. Из-за гаража я этот вариант горячо поддерживал, но отцу не нравилось, что квартира выходит окнами на улицу, по которой ходят трамваи.

—Второй вариант - трёхкомнатная квартира на улице Грига в новом девятиэтажном доме между Московским проспектом и набережной Преголи, тоже 7-й этаж, но место тихое, никакого транспорта. Этот вариант отцу нравился больше. Хозяева хотят в Севастополь, чтобы съехаться с дочерью, которая распределилась туда после вуза, но не имеет там жилья. Окончательно принимать решение отец не спешил и где-то в начале лета уехал в Севастополь. Обмен намечалось завершить осенью, когда Милочка с Павлом окончательно переедут в свою собственную новую квартиру на Северной стороне, которую они уже получили и потихоньку туда перебирались, занимаясь попутно обычными делами новосёлов по приведению квартиры в порядок после сдачи дома строителями.

6-го июля я улетел в Севастополь. Сашуля с детьми уехала туда ещё раньше, у неё отпуск подходил уже к концу, и я ехал ей на смену. В этот раз мы решили разнести свои отпуска, чтобы дети подольше побыли на юге. Последнее лето мы собирались здесь, на Хрусталёва.

Встречали меня в симферопольском аэропорту Павел с Иринкой. Рейс мой задержался, и они давно уже околачивались здесь, Иринка даже уснула в машине. В Севастополь приехали поздно, за полночь. Но всё равно посидели, как обычно, за столом, выпили по рюмочке-другой за встречу, мамочку помянули.

А на следующий день, когда ни Милочки, ни отца не было дома, Сашуля сообщила мне сенсационную новость:

- Ты знаешь, отец ... собрался жениться.
- Ничего себе. - Обалдело уставился я на Сашулю. - И на ком?
- Он её давно знает, она у них в первом отделе работала, разведённая, 48 лет. На 15 лет его моложе. Ничего себе так на вид женщина, спокойная.
- А ты откуда это всё знаешь?
- Милочка рассказала. Да и он приводил её уже сюда. Милочка говорит, он ещё зимой, когда приезжал, часто не приходил домой ночевать, она уже тогда догадалась...
- А чего же он сам мне вчера ничего не сказал?
- Он тебя боится и просил нас с Милочкой тебе рассказать.
- А чего он боится-то? Женится и чёрт с ним. И слава Богу. Будет кому о нём заботиться.

Все мои тёплые чувства к отцу сразу куда-то пропали. Но и гневаться на него я не собирался. Вспомнилось, что мне сказала как-то после смерти мамы Раиса Афанасьевна Зевакина, узнав, что отцу 61 год:

- Ну, так он у Вас ещё молодой, он ещё женится, помяните моё слово. И хорошо бы,

если женился. И ему, и Вам легче будет. Одиночество в старости очень тяжело.

— Тогда мне это предположение показалось совершенно невероятным. Ведь он так любил маму, так убивался! И вот - прошло всего полтора года... То-то он так квартиру выбирал.

— И ещё вспомнилось, как он сказал как-то мне по поводу возможности моего перевода в ИЗМИРАН (Это было где-нибудь в марте, когда Жулин - в то время ещё замдиректора ИЗМИРАН - предложил мне подумать о должности завотделом вместо Беньковой, заявление которой об уходе на пенсию давно якобы лежит у него под сукном.

Предложение это было, конечно, лестно и содержало в себе ещё тот весёлый момент, что в этом случае я бы стал прямым начальником Фаткуллина. Но я, не раздумывая, ответил Жулину, что до защиты докторской не хотел бы никаких служебных пертурбаций. А ещё раньше аналогичное зондирование предпринял другой замдиректора - мой непосредственный начальник и Жулина конкурент и враг - Лобачевский, намекая на место Зевакиной. Тогда я отказался ещё категоричнее: мол, в Калининграде меня всё устраивает - и работа, и коллектив, и рыбалка, без которой я жить не могу.):

— Ты, Сашенька, обо мне не беспокойся, за Калининград не держись и со мной свои планы не связывай...

— Я, действительно, тогда думал, что теперь, когда мама похоронена здесь и папа окончательно поселится в Калининграде, нечего и думать об ИЗМИРАНе. И слава, мол, Богу.

— И что же, он новую жену в Калининград повезёт? - спросил я Милочку. - Какой же смысл ему теперь меняться?

— Да, он так решил.

— И она согласна?

— Согласна, выходит.

— Отец же со мной до самой своей "свадьбы" на этот предмет не заговаривал. Ночевал он всё время у "неё", как мы с Милочкой называли нашу будущую мачеху, но изредка появлялся на Хрусталёва с таким видом, будто ничего особенного не происходит, все всё понимают. Да так оно в сущности и было.

— Однажды вечером он привёл свою подругу как бы на смотрины. Не помню уж по какому поводу, но мы все сидели за столом и что-то отмечали, Митин день рождения, может быть. Отец представил её:

— Знакомьтесь, Тамара Сергеевна.

— Пригласили их к столу, они уселись. Отец, чувствовалось, немного волновался. Она же держалась достойно - спокойно, просто, скромно и в меру уверенно. Ростом почти с отца, крашеная блондинка, фигура в форме для её возраста. Вот и всё, что можно добавить к сказанному о ней Сашулей.

— Это было уже, когда приехала Люба. В этот раз она заскочила в Севастополь ненадолго после Геленджика, где отдыхала в каком-то пансионате. К известию о предстоящей женитьбе отца она отнеслась внешне спокойно ("Пусть женится. Мне-то что?"), но остаться на "свадьбу" категорически отказалась:

— Этого ещё не хватало. Не хочу и всё, - хотя отпуск её и позволял ей задержаться. Отец же рассчитывал на присутствие всех детей, которое уже само по себе можно было бы расценивать как благословение.

— Сашуля пробыла в Севастополе при мне ещё неделю и уехала домой, ей надо было выходить на работу. Люба тоже побыла с нами недолго, и на "свадьбу", назначенную на 30-е июля, кроме Милочки с Павлом остался только я с детьми. Отмечалось это грустно-радостное событие у нас на квартире, на Хрусталёва, куда после регистрации пришли отец со своей новой женой и гости: сын Тамары Сергеевны Гриша, молодой морской офицер, с женой, да подруга Тамары Сергеевны, помогавшая готовить стол Милочке, очень недовольной этой то ли просьбой, то ли поручением отца. Меня же он попросил доставить заказанный заранее в кондитерской на Большой Морской огромный торт. Никаких

подарков "молодожёнам" мы с Милочкой решили не делать (а Гриша с женой что-то подарили дорогое). Осуждать, мол, не осуждаем, а приветствовать и радоваться тоже не находим чему. Всё-таки двух лет ещё не прошло со смерти мамы.

— Когда разлили шампанское, отец поднял бокал и сказал, обращаясь ко мне и Милочке: — Дети! Не осудите меня ..., - голос его дрогнул. - Но ... очень тяжело одиночество...

— И мне стало его жалко, исчезло чувство неприязни, я простил его и искренне желал ему добра.

— Тогда я изрядно напился. На балконе разоблачал себя перед Гришей как антисоветчика, давал ему советы по семейной жизни...

— Милочка с Павлом заканчивали переселение на новую квартиру на Северной стороне, хотя и часто ещё ночевали на Хрусталёва, а там, на Михайловской, уже постоянно жили Анна Осиповна - мать Павла - и Ромка. Мы заходили к ним, когда ездили купаться на Учкучевку. Там мы с Ириной учили Митю плавать без круга и нырять, бросая его друг другу. С плаванием у него не шибко получалось, а нырял он смело с головой и очень любил, когда его швыряли в воду.

— На обмывании новой квартиры Лукиных я буквально обмыл, а точнее, задрызгал стены в большой комнате вишнёвым сиропом, когда неудачно фуганул газированной водой из сифона в фужер с сиропом. Стены у них без обоев, и сироп так въелся в штукатурку, что пятна ничем смыть не удалось. Милочка меня (и себя) утешала:

— Ничего, я их картинами завешаю.

— Но ещё худшее вредительство я совершил по отношению к ни в чём не повинной даме на морском параде в честь дня Военно-морского флота. Нас с Павлом провёл на центральную трибуну его приятель, сотрудник КГБ, под видом своих коллег (анекдот: отец, ветеран ВМФ, добыть пропуск на парад для своих родственников ни разу даже и не пытался, считая это безнадежным делом; и вот я впервые на параде с пропуском сотрудника КГБ!). Я, собственно, туда нисколько не рвался, но Павлу очень хотелось продемонстрировать свои связи и возможности устроить невозможное... Так вот, я курил на трибуне, стоя у колонны, подпирающей навес, и ветром из сигареты выворотило целую головешку, которая каким-то образом прилепилась к юбке нарядного бежевого костюма стоявшей впереди меня женщины и продолжала там тлеть. Сначала мне показалось, что она сразу погаснет, но тут порыв ветра снова раздул её, и теперь тлела уже юбка. Я попробовал незаметно стряхнуть головешку, но незаметно не получилось, женщина обернулась, посмотрела на свою юбку и увидела на ней дыру с копеечную монету. Себе-то я уже все рубашки попрожигал, но таких здоровенных дыр не получалось. Представляю, как она расстроилась, бедная! Но мне она ни слова не сказала и безропотно продолжила смотреть парад.

— Ну, а сам парад - зрелище шикарное для Мити в его возрасте, но детей я что-то не помню, чтобы были на трибунах. Правда, Мите повезло за день до этого. Мы совершенно случайно попали с ним на стадион, что рядом с Историческим бульваром, когда там проходила репетиция театрализованного представления с участием большого количества военной техники и подразделений всех родов войск. Митя был в восторге, в результате чего чуть не описался - совсем забыл про свою нужду.

(продолжение следует)

[Главная страница](#) — [Путеводитель по "Запискам рыбаолова-любителя"](#)